

Петренко Сергей Николаевич

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАТРИЦЫ В СТРУКТУРЕ ПРОЗАИЧЕСКИХ ЖАНРОВ РЕГИОНАЛЬНОГО ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА

В статье анализируется взаимодействие литературного и фольклорного материала в волгоградском журнале для детей "Простокваша". Прослеживается ориентация большинства прозаических литературных текстов журнала на жанровые модели фольклора и постфольклора: сказки, былички, страшилки. Впервые описываются такие жанры словесного детского фольклора, как "болтушки", "словечки", "разговорчики", появившиеся в результате сотворчества главного редактора и юных читателей. Раскрывается региональная специфика журнального контекста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 52-54. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.091

В статье анализируется взаимодействие литературного и фольклорного материала в волгоградском журнале для детей «Простокваши». Прослеживается ориентация большинства прозаических литературных текстов журнала на жанровые модели фольклора и постфольклора: сказки, былички, страшилки. Впервые описываются такие жанры словесного детского фольклора, как «болтушки», «словечки», «разговорчики», появившиеся в результате сотворчества главного редактора и юных читателей. Раскрывается региональная специфика журнального контекста.

Ключевые слова и фразы: детская литература; детский фольклор и постфольклор; журнал для детей; жанровая матрица; сказка; быличка; страшилка; «болтушки»; «словечки»; «разговорчики».

Петренко Сергей Николаевич

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
esce_hoto_1@mail.ru*

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАТРИЦЫ В СТРУКТУРЕ ПРОЗАИЧЕСКИХ ЖАНРОВ РЕГИОНАЛЬНОГО ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА

Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-04-00382 «Научное наследие Д. Н. Медриша».

Современный детский фольклор, как и другие разновидности постфольклора, значительно расширил сферу своего бытования. На смену устным формам ретрансляции все чаще приходят письменные (школьные «канкеты», рукописные «девичьи рассказы» и пр.), печатные (сборники «Детский жуткий фольклор», «Русский школьный фольклор») и электронные способы репрезентации его жанров. В последние десятилетия они особенно активно взаимодействуют с современной литературой, как детской, так и взрослой.

На рубеже XX-XXI вв. в сфере детского журнального чтения возник своеобразный издательский бум. Появилось огромное количество новых российских журналов для детей: «Трамвай» (1990-1995), редакторами которого были Тим Собакин и Олег Кургузов, и его преемник журнал «Куча мала», «Простоквашино» (изд. Э. Успенским с сентября 2002 г.), альманах (а с 2004 г. – журнал) «Клёпа» (изд. с 1991 г.), литературный журнал «Кукумбер» (изд. с 2000 по 2012 г.) и др. Бурный рост заметен и в сфере детских интернет-журналов («Чехарда», «Недоросль», «Желтая гусеница», «Электронные пампасы», «Введенская сторона» и др.) [3].

Новым в этом издательском процессе стало возникновение региональных детских журналов. Уникальным примером долговременного читательского успеха нам представляется судьба волгоградского литературно-художественного журнала «Простокваши», выходящего с 1991 г. Инициатором его издания и бессменным редактором на протяжении четверти века был волгоградский поэт Сергей Васильев (1957-2016). Подзаголовок издания – «Журнал для детей непреклонного возраста» указывает на его читательскую аудиторию – от дошкольников до подростков и демонстрирует явное отталкивание от аллегорической поэтики «Сказок для детей изрядного возраста» М. Е. Салтыкова-Щедрина, ориентированных на взрослого читателя. В центре нашего исследования находится журнальная проза, в структуре которой наблюдается наиболее активное взаимодействие литературных и фольклорных традиций.

Характерной особенностью журнальной политики «Простокваши» является то, что значительная часть публикуемых материалов принадлежит перу не только волгоградских и столичных детских прозаиков и поэтов (С. Васильев, В. Александров, М. Яснов, А. Гиваргизов, О. Кургузов, Т. Собакин, В. Роньшин, С. Вьюгина и др.), но и присылаются самими детьми. В 2011 году, к двадцатилетию журнала, был выпущен специальный номер «Это для взрослых все кошки серы», в котором были собраны тексты детей, публиковавшиеся с момента основания журнала [13].

Анализ этих текстов показывает, что они чаще всего строятся по уже существующим фольклорным и литературным жанровым матрицам (загадки, заклички, дразнилки, нескладушки, вредные советы, страшилки и др.). Такова, к примеру, детская нескладушка: *По стене ползет кирпич, / Деревянный, как стекло. / Ну и пусть себе ползет, / Может, там его гнездо? / А в гнезде сидит медведь, / Он железный, как картон. / Ну и пусть себе сидит – / Я цекотки не боюсь* [Там же, с. 16].

Однако прозаическое детское творчество представлено в новых жанровых формах, таких как «болтушки», «словечки», «разговорчики». Они представляют особый интерес для исследователя, являясь не только текстом, но и своеобразной жанровой матрицей фольклорного происхождения (в отличие от литературной жанровой матрицы «вредных советов», восходящей к одноименной книге Г. Остера [7]). Жанр «болтушки» представлен (в числе прочих) следующим текстом: *Бабушка почистила рыбу и выбросила чеую в ведро. Я ее спрашиваю: – А где же рыбкина шерсть* [13, с. 17]. Опыт записи законченных речевых высказываний с устойчивыми жанровыми чертами известен еще по сборнику К. Чуковского «От двух до пяти», в котором впервые была предпринята попытка публикации подобных образцов спонтанного детского творчества. В юбилейном выпуске «Простокваши» имеется рубрика, которая перефразирует название книги К. И. Чуковского и называется «от 3 до 6»: *После выходных, проведенных на даче, возвращаемся домой. Марина первым делом лезет на пианино за своим портретом. – Зачем ты туда полезла? – Я по себе соскучилась* [Там же, с. 22].

Жанр «словечки» представляет собой детские упражнения в хорошо известном лингвистам и фольклористам опыте «народной этимологии»: *вымиральная вода (о минеральной воде), синенькие с автоматами (о ба-лажанах в томате)* и др. [Там же, с. 36].

В качестве особой жанровой формы выделяются «разговорчики». Это детские вопросы о чем-то для них необычном: *Мама, почему он такой ржавый? (о негре)* и др. [Там же, с. 37]. Подобное детское словотворчество поощряется редакцией журнала, объявляющей конкурсы создания последующих текстов по прецедентной модели [Там же].

Отдельно следует остановиться на авторской маске главного редактора. Иногда он обращается к читательской аудитории от своего реального имени (в таких случаях текст сопровождается фотографией [Там же, с. 2]), порою же используется вымышленный сказочный помощник редактора – «ученый секретарь Долли Ризеншнауцер». Игровые элементы самопрезентации и диалогическая форма общения «авторов» способствуют повышению читательского интереса и оживляют общую картину, населяя страницы журнала «реальными» сказочными персонажами. Рассказы о них главный редактор иногда подписывает еще одним своим псевдонимом – Слонопотам Львов.

Созданные фантазией редактора персонажи переходят из номера в номер и наделяются колоритными «говорящими» именами: Просто-кваша (он же – Квашасуарий Квашасуарьевич), Свинс, Страшилка и Кошмарик. Просто-Кваше, главному герою журнала, дается такая характеристика: «*Сам махонький, личико румяное, а на шее шарф. И еще – три глаза. Два как у всех людей, а третий – на левой пятке. <...> Люди... любопытствовать начали: для чего это у него на пятке глаз приспособлен? Потом догадались: чтоб сквозь землю видеть... и клады отыскивать*». Здесь же приводится этимология эпонима «Простокваша»: «*Слушал-слушал Квашасуарий, как его имя коверкают, а потом не вытерпел. <...> “Ладно уж, зовите меня просто Квашей”. Так его и прозвали – Просто-Кваша*» [10]. В структуре персонажа сочетается ряд образных (образ третьего глаза, образ глаза на пятке) и функциональных (зрение сквозь землю, умение видеть клады) заимствований из мифологии и фольклора.

Жанровые матрицы, сюжеты и образы детского постфольклора активно используются не только в детской, но и в современной русской постмодернистской литературе. «Страшные истории», или страшилки, садистские стишки становятся неотъемлемой частью поэтики произведений В. Маканина, Н. Садур, В. Сорокина, Л. Петрушевской, Т. Толстой [8, с. 145-149; 12, с. 197-273]. Неудивительно, что столь широкая популярность этих жанров в литературе и фольклоре не обходит стороной и региональный журнал.

В «Простокваше» публикуются как сами страшилки, так и стилизации под детское мифотворчество (как правило, это «таинственные» существа, бытующие в современной массовой культуре, или герои традиционных фольклорных жанров), а также литературные тексты, использующие эти фольклорные жанровые модели.

Рассказ С. Вьюгиной «Домовой Угоша» [2] построен по принципу травестированной былички с элементами страшилки: герои слушают рассказ о старичке-вечере, мама пугает их, но тут внимание персонажей привлекает незнакомый, нечеловеческий голос: «Ога-мога-перемога». Знакомая бабушка говорит, что это домовик Угоша, который рассержен их проделками. В конце рассказа конфликт разрешается в романтическом ключе (двоем мире взрослых и детей): для мира взрослых становится очевидным, что таинственным Угошей оказался не кто иной, как филин; в мире же фантазий главного героя продолжается жить «домовик».

В рассказе Тима Собакина «Черный утюг» [11] страшилка предельно травестирована и переходит в «анти-страшилку», жанровая модель которой широко представлена в современной детской литературе [4].

Название жанра иногда выносится в заглавие («Страшилки»), а названия отдельных текстов могут быть оформлены в качестве подзаголовков (например, «Черный валенок», «Злющая корова», «Ведьма, Палач и Людоед» В. Александрова [1]).

Принципы подачи страшилок в «Простокваше» продолжают традицию, заложенную в комментариях А. Усачева и Э. Успенского, составителей сборника «Детский жуткий фольклор». Зло предстает в них не чем-то иррациональным и таинственным, а имеющим бытовое объяснение, в то время как в произведениях В. Маканина, Н. Садур, Л. Петрушевской, ориентированных на поэтику страшилок, зло, напротив, не поддается рациональному объяснению, оно самодостаточно и неотвратимо, а конфликт разрешается в трагедийном ключе [12].

Региональная специфика журнала выражается разными способами. Это могут быть «истории» А. Северьянова о флоре и фауне родного края («Близкая и дальняя ёлкина родня», «Хитрости мотыльков», «Двойная жизнь квакушек», «Кто чем знаменит») или его «путешествия» по родному краю («Каменные башни высотой с шестнадцатизетажку»). В разделах «Сами с усами» и «Наш вернисаж» дети представляют родной город своими текстами и рисунками.

Знакомые юным читателям местные реалии подаются в журнале «остраненно» (термин В. Б. Шкловского [6]), в сказочно-мифологическом тоне. Рассказ Н. Леонтьевой «Как молодильное яблочко державным сделалось», основу сюжета которого составляют авторские этиологические мифы о происхождении знаменитых приволжских садов и выбора яблока как атрибута царской власти – скипетра и державы, стилизован под сказку: «*Через много лет на том берегу, где Иван Царевич и Василиса Прекрасная об руку прогуливались да яблочки ели, вырос прекрасный яблоневоый сад. <...> Так и пошла добрая слава о приволжских садах по всей русской земле*» [5]. Очевидны его образные (Василиса Прекрасная, Иван-Царевич, Серый Волк, Жар-Птица) и мотивные (путешествие за волшебным предметом: Жар-Птицей, молодильными яблоками) заимствования из сказки. Однако попытка матери рассказать ребенку волшебную сказку постоянно прерывается его репликами, пытающимися связать сказку со своим жизненным опытом: «*А нам доктор рассказывал, что в яблоках есть витамин “Ц”. <...> Мама, витамин так называется потому, что яблоки Царевич привез, да?*» [Там же].

Таким образом, можно утверждать, что в прозе регионального журнала прямо или опосредованно представлен широкий жанровый спектр традиционного и современного детского фольклора. И литературные произведения, и тексты, принадлежащие детям, – явления синкретичные, соединяющие в себе традиционные жанровые модели с современным детским словотворчеством. Именно эта жанровая парадигма определяет особый тип взаимоотношений фольклора и литературы в контексте детского литературного журнала.

Список литературы

1. Александров В. Страшилки // Простокваша для детей непреклонного возраста. 1993. № 10.
2. Вьюгина С. Домовой Угоша // Простокваша для детей непреклонного возраста. 2009. № 4.
3. Звягина М. Ю., Максимова Н. В. Содержательно-тематический характер детских сетевых журналов // Гуманитарные исследования. 2015. № 4 (56). С. 86-92.
4. Иднатулина А. А. «Нестрашная страшилка» как антижанр в литературе современного детского авангарда // Гуманитарные исследования. 2011. № 4 (40). С. 224-228.
5. Леонтьева Н. Как молодильное яблочко державным сделалось // Простокваша для детей непреклонного возраста. 2002. № 2.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.
7. Остер Г. Б. Все вредные советы. М.: АСТ; Астрель; Харвест, 2010. 480 с.
8. Петренко С. Н. Жанровые традиции постфольклора в поэтике современной русской литературы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2014. № 2 (87). С. 145-149.
9. Плотникова Е. П. «Настоящие сказки» Л. С. Петрушевской в контексте традиционной культуры: дисс. ... к. филол. н. Ульяновск, 2011. 26 с.
10. Слонопотам Львов. Возвращение Просто-Кваши. Третий глаз на левой пятке // Простокваша для детей непреклонного возраста. 2005. № 1.
11. Собакин Тим. Чёрный уют // Простокваша для детей непреклонного возраста. 2009. № 4.
12. Трыкова О. Ю. Современная отечественная проза и «страшный» детский фольклор // Трыкова О. Ю. Сказка, быличка, страшилка в отечественной прозе последней трети XX века: учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2000. С. 197-273.
13. Это для взрослых все кошки серы. Журналу «Простокваша для детей непреклонного возраста» исполнилось 20 лет / редактор и составитель С. Васильев. Волгоград: Издатель, 2011. 128 с.

**FOLKLORE AND LITERARY MATRICES IN THE STRUCTURE
OF PROSAIC GENRES OF THE REGIONAL CHILDREN'S MAGAZINE**

Petrenko Sergei Nikolaevich

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
ecce_homo_1@mail.ru*

The article analyzes the interaction of literary and folklore material in Volgograd magazine for children "Prostokvasha". The author traces the orientation of the majority of the prosaic literary texts of the magazine towards the genre models of folklore and post-folklore: fairy tales, true stories, horror stories. For the first time such genres of verbal children's folklore as "chatterboxes", "kind words", "good talkings-to", which have appeared as a result of the co-authorship of the editor-in-chief and young readers, are described. The regional specificity of the magazine context is revealed.

Key words and phrases: children's literature; children's folklore and post-folklore; magazine for children; genre matrix; fairy tale; true story; horror story; "chatterboxes"; "kind words"; "good talkings-to".

УДК 82-311.6

Статья посвящена анализу романа норвежского писателя Мауритца Хансена «Сага о Хильде». Выявляется значение данного произведения для становления художественной прозы в Норвегии в XIX веке и устанавливается, что в «Саге о Хильде» закладывается основа норвежского исторического романа, традиция которого позже будет подхвачена и получит своё развитие в исторических произведениях Сигрид Унсет.

Ключевые слова и фразы: Норвежская проза; М. К. Хансен; исторический роман; Романтизм; сага.

Пешкова Виктория Вячеславовна

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
stellavictory2106@gmail.com*

**РОМАН М. К. ХАНСЕНА «САГА О ХИЛЬДЕ»
В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ РОМАНТИЗМА В XIX ВЕКЕ**

Эпоха романтизма стала самым ярким явлением в скандинавской культуре. Уже в конце XVIII века в датской литературе начали проявляться специфические черты, определившие своеобразие духовной жизни